

МНОГОКОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

MULTICONCEPTUAL HISTORY IN THE MODERN WORLD

ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 07.00.09

Трофимов А. В.

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: 2519612@rambler.ru

Либеральная концепция российской истории

DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-11-19

Аннотация. Историческая наука в России складывалась и развивалась под влиянием европейской общественно-политической мысли, в которой либерализм понимался в качестве идеологии, социально-политического движения, совокупности демократических институтов, процедур и принципов управления. Либеральные историки вели поиск взаимосвязей социально-политических и экономических аспектов исторического развития, обращали внимание на необходимость изучения государственной, политической и культурной истории. В русле либеральной парадигмы этапы человеческой истории рассматриваются с позиции приоритета развития личности человека, реализации индивидуальных прав и свобод, а Россия, как потенциально европейская страна, с догоняющим типом развития. Либеральный взгляд на историю предполагает наличие интеллектуального многоголосия, конкуренции концептуальных объяснений. Для репрезентации либеральной версии истории России в статье используются когнитивные возможности нескольких концептов, существующих в современном историографическом пространстве: «вотчинное, патримониальное государство», «тоталитаризм», «социокультурный раскол», «русская система», «раздаточная экономика», «догоняющее развитие», «отсталость», «холопская и договорная Россия», «несовременная страна». На их основе представлена либеральная интерпретация контента различных этапов российской истории.

Ключевые слова: либеральный подход, история России, историографические концепты.

Для цитирования: Трофимов А. В. Либеральная концепция российской истории // *История и современное мировоззрение*. 2020. Т. 2. №3. С. 11-19. DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-11-19

A. V. Trofimov

Ural State University of Economics Scientific consultant, Ekaterinburg, Russian Federation
e-mail: 2519612@rambler.ru

The Liberal concept of Russian history

Abstract. Historical science in Russia was formed and developed under the influence of European socio-political thought, in which liberalism was understood as an ideology, socio-political movement, a set of democratic institutions, procedures and principles of governance. Liberal historians searched for interrelations between socio-political and economic aspects of historical development, and paid attention to the need to study state, political and cultural history. In line with the liberal paradigm, the stages of human history are considered from the position of priority of personal development, ensuring its individual freedoms, and Russia, as a potentially European country, with a catch-up type of development. A liberal view of history presupposes the presence of intellectual polyphony, competition of conceptual explanations. To represent the liberal version of Russian history, the article uses the cognitive capabilities of several concepts existing in the modern historiographic space: «patrimonial state», «totalitarianism», «socio-cultural split», «Russian system», «distribution economy», «catching up development, backwardness», «servile and contractual Russia», «non-modern country». Based on them, a liberal interpretation of the content of various stages of Russian history is presented.

Key words: the liberal approach, the history of Russia, historiography concepts.

For citation: Trofimov A. V. The Liberal concept of Russian history // *History and modern perspectives*. 2020. Vol. 2. №3. P. 11-19. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-11-19

ВВЕДЕНИЕ

Либерализм является динамичной теоретической системой, чутко реагирующей на происходящие социальные изменения, генерирующей адаптивные стратегии к новым формам существующей реальности. Центральное положение в либеральной мировоззренческой «матрице» занимает приоритет «блага свободной личности», генерирование идей, действий, механизмов его достижения. Либеральные исследователи, с момента возникновения либерализма и до настоящего времени, ведут поиск в человеческой истории типологических моделей и способов такого эффективного социального устройства, когда индивидуальная свобода и гражданские права становятся его надежной основой.

Историческая наука в России складывалась и развивалась под влиянием европейской общественно-политической мысли, в которой либерализм понимался в качестве идеологии, социально-политического движения, совокупности демократических институтов, процедур и принципов управления. Стремясь в русле либерального мировосприятия определить специфику российской истории К.Д. Кавелин и В.О. Ключевский предложили концепт «вотчинного государства», позволивший исследователям прийти к выводу о его глубоких корнях, длительности существования и значительном влиянии на последующее развитие страны [Пайпс, 2004, с. 121], определять Российское самодержавие как политический строй, генетическим кодом которого является вотчинный принцип управления [Ермолаев, 2004, с. 11]. Российская либерально-историческая мысль начала XX века исходила из возможности прерывания линии прогресса в истории, критически относилась к марксизму как социологической теории. Либеральные историки (М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, П.Н. Милюков, Д.М.

Петрушевский и др.) стремились рассматривать во взаимосвязи социально-политические и экономические аспекты исторического развития, обращали внимание на необходимость изучения государственной, политической и культурной истории [Сидненко, 2008. С. 58, 60].

Не потеряла актуальности, сформулированная П.Н. Милюковым в «Очерках по истории русской культуры» (Ч. 1-3. СПб, 1896-1903), «теория контраста» между русским и европейским историческим процессом, согласно которой, «европейского здания» воздвигалось «снизу вверх», сначала экономический фундамент, затем социальные «стены» и политическая «крыша», тогда как в России происходил обратный процесс, поэтому непрочность экономического фундамента вызывала необходимость в «подпорках», в лице излишне жёсткой государственности, воздвигавшей российское историческое «здание» «сверху вниз».

В русле либеральной объяснительной модели этапы человеческой истории рассматриваются на основе помещения в центр мироздания человеческой личности, всестороннего развития ее индивидуальных прав и свобод, а Россия, является потенциально европейской страной, с догоняющим типом развития. В современном либеральном (в широком смысле) дискурсе исторический ракурс предполагает наличие интеллектуального многоголосия, взаимодополнения и конкуренции концептуальных объяснений (концепции «естественного и современного государства» (Д. Норт), «инклюзивных и эксклюзивных институтов» (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), «современного государственного порядка» (Ф. Фукуяма), «источников социальной власти» (М. Мани) и др.). В данной статье, акцентируется внимание только на субъективно «сильных сторонах» либеральной версии истории России, для её репрезентации используются когнитивные возможности концептов, существующих в современном историографическом пространстве: «патримо-

ниальное государство», «тоталитаризм», «социокультурный раскол», «русская система», «раздаточная экономика», «холопская и договорная Россия», «догоняющее развитие, отсталость», «несовременная страна».

ДРЕВНЕРУССКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Пришедшая на смену локально-племенной организации жизни Древнерусская государственность означала смену принципов княжеской власти, от основанной исключительно на праве силы, к легитимации власти наследуемой по праву рождения. Древняя Русь находилась на периферии европейского мира, она стремилась (не без успеха) подчинить и ассимилировать разные этнические и племенные общности, оставаясь внутренне непрочной конфедерацией отдельных княжеств.

Принятие христианства повысило престиж и влияние Древней Руси в Европе того времени. Однако, сложное сочетание двух социокультурных типов (государственного и древнерусского социума). Большинство населения принимало княжескую власть как необходимое условие обеспечения безопасности от опасностей окружающего мира, но оставалось привержено ценностям своих замкнутых локальных миров. Возникший социокультурный раскол между государственно-ориентированной княжеской элитой и населением, православным христианством и язычеством, дополненный политическим расколом, в виде постоянных княжеских конфликтов, в дальнейшем привел к распаду древнерусской государственности.

Постепенно формировалась авторитарная модель властвования. Князья стремились ослабить роль института вече, и добиться усиления своей власти, чему способствовало и заимствование принципов восточного деспотизма в «золотордынский» период. Характерная для Древней Руси экстенсивная модель развития, основанная на аккумуляции ресурсов с помощью силовых методов и их продажи на внешних рынках, постепенно стала испытывать кризисные явления, в результате исчерпания возможности дальнейших территориальных захватов и изменения направления сложившихся торговых путей в сторону от Древней Руси. Города, созданные для ведения транзитной торговли, теряли свое значение, страна «Гардарика» становилась сельской. Тогда как в Европе происходил генезис городской цивилизации, расширялись внутренние рынки, городской воздух делал людей свободными, существовали феодальные отношения, основанные на договорных обязательствах между сюзеренами и вассалами. Для движения по европейскому пути в Древней Руси не сложились, как социокультурные институты и стимулы у княжеско-боярской элиты, так и не оказалось в достатке времени для изменения модели развития. [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2008, с. 65-71].

МОСКОВСКОЕ ПАТРИМОНИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Московское государство создавалось в специфических условиях, определивших особенности его социокультурного характера и политической природы. В отличие от западных абсолютистско-монархических государств в нем не сложи-

лись развитая феодальная договорно-правовая среда, экономически сильные торгово-ремесленные города, национальный рынок. Оно существовало на основе собственной производящей архаичной аграрной экономики, лимитированной природно-климатическими и человеческими ресурсами, отрезанной от мировых торговых путей, при постоянно растущих потребностях самого государства в контроле над территорией и ее расширением. В Московском христианско-православном государстве, в отличие от Византии, не были законодательно оформлены права частной собственности, не сложился бюрократический аппарат управления.

На основе династически-родового принципа властвования в «послеордынской» Руси княжеско-боярская элита, сохранила отношение к стране, как к коллективной родовой вотчине, которая принадлежит им совместно с государем Всея Руси. Институт местничества, с одной стороны, лимитировал привлечение на государеву службу способных управленцев, с другой стороны, разобщал само боярство, усиливал самодержавный характер власти. В конфликте между неограниченным самовластием, стремившегося к деспотизму, и аристократическим принципом, ориентированным на относительную независимость элиты в московской государственности победа осталась на стороне самодержавного принципа. Она была достигнута в сложных условиях, и означала сохранение российской государственности после опричного террора и поражения в Ливонской войне. В годы Смуты этот конфликт привел к внутриэлитной борьбе сторонников самодержавия (Б. Годунов) с поборниками аристократического принципа (В. Шуйский). Смута показала, что балансирование между различными властными субъектами в Московском государстве едва не закончилось катастрофой, и если для домонгольского периода характерной была тенденция нерегулируемой правом свободы, то для московский государственности – тенденция бесправия в несвободе [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2008, с. 136-146].

Со времен возникновения Московского царства и его победы над Золотой Ордой при Иване III, Василии III и Иване Грозном Российское государство носило вотчинный, патримониальный характер, инкорпорировало все другие социальные и экономические институты, тогда как в Западной Европе происходила политическая и социально-экономическая дивергенция. Фундаментом для дальнейшей эволюции Западной Европы стал институт частной собственности, ограничивший возможности и аппетиты государства, сохранивший пространство личной свободы и создавший условия для развития гражданского общества. В России же владение частной собственностью в значительной степени зависело от обладания ресурсами политической власти, в силу чего не произошла полная легитимация её статуса, как в Западной Европе, поэтому не возникла социокультурная среда для создания институтов «сдержек и противовесов» государственной власти. Монарх-собственник в России не терпел других собственников в силу необходимости удержания ранее захваченных территорий и новых территориальных захватов, которые требовали сосредоточения ресурсов бедной страны под единым началом и максимального их напряжения. [Пайпс, 2000, с. 210-236; Пайпс, 2004, с. 44-83].

Концепт «договорной и холопской» моделей, фиксирует существующую в истории России дихотомию, обращая страну на «западную» или на «восточную» траекторию развития. Такие «колебания» исторического маятника, объясняются не пограничным положением России, а сосуществованием противоположных традиций, их амбивалентно-

стью. Так, по своему социальному положению князья и бояре, выступали одновременно воинами-партнерами, на основе взаимных договорных отношений, и господами-вотчинниками, безраздельно властвовавшими над зависимыми людьми – челядью, дворней [Трубицин, 2019, с. 99]. Транзит от «договорной» к «холопской» России произошел в середине XVI в. До этого страна в течение «европейского столетия» (вторая половина XV – первая половина XVI вв.) развивалась по европейской траектории. В экономике росла роль и расширялась сфера ремесла и торговли, для социальных отношений определяющими были договорные принципы, политический строй эволюционировал в направлении ограниченной монархии (ст. 98 Судебника 1550 г., фиксировала совместное принятие решений царем и Боярской думой). Этот транзит прервал Иван Грозный, опираясь на дворянство, совершивший «самодержавную революцию» (опричнина), ознаменовавшую решительное изменение вектора развития России в направлении создания социально-политической системы принципиально отличной от западного типа. Результатом этой революции стала утрата достижений «европейского столетия», быстрая деградация экономики, усиление деспотических тенденций, а «Россия XVII в. оказалась более отсталой от Запада, чем была в начале XVI» [Янов, 2007, с. 160].

Концепт «Русская система – Русская власть» базируется на поиске фундаментальных оснований российского социума в исторической ретроспективе, выявления механизмов достижения общественного согласия и доверия. Ключевым понятием является «Русская Власть», которая в XVI-XVII вв. сумела «зачистить» социальное пространство и лишит социально значимой энергии традиционные исторические субъекты: церковь, боярство, удельные княжества. Новый русский мир стал властечцентричен. Отныне «Власть» являлась условием существования всех и всего. Ключевыми элементами «Русской Системы», как социального порядка становятся: «Власть»; «Популяция» (население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики); «Лишний Человек», который может быть, как индивидуальным (дворянство, интеллигенция), так и коллективным (казачество). В результате сложилась «Русская Система» в которой единственным актором, определяющим стратегию развития, ценностный генотип, тип социального взаимодействия всех элементов системы является Власть [Фурсов, Пивоваров, 2001].

Концепт «раздаточная экономика» акцентирует внимание на двух принципиальных отличиях российской экономической системы, отличающей её от феодальной, европейской. Если основу феодализма составляет частная собственность, то основу раздаточной экономики – общественно-служебная собственность. Договорные поземельно-служебные отношения существуют при феодализме, а в условиях раздаточной экономики они являются обязательными. Система «раздатка» в России включала земли (населенные и ненаселенные), городские строения и дворы, промыслы, охоту и рыболовство, денежное жалованье и крестьянские души. Технология раздачи состояла в институтах «пожалования» для элитных групп и «испомещения» для служилых слоев. Основой института «сдач» являлась государственная тяговая система, определяющая обязательные формы и размеры сборов (подати, кормы), различные виды повинностей для тяглого или податного населения [Бессонова, 2006].

Складывание «патримониального государства», «Русской Власти», «холопской модели», «раздаточной экономики» происходило в условиях постоянной «фронтальной» обстановки на восточном, южном и западном направлениях. Борьба с осколками Орды, с Литвой, ливонцами, шведами и другими противниками превратили Московское государство в «вооруженную Великороссию», надолго определили мобилизационный характер государства и общества, неправый характер внутреннего управления, акцент в отношении государства с условиями на повинности, а не на права, сакрализировали характер суверенной верховной власти. Постоянная необходимость поддержания достойного уровня обороноспособности страны, в условиях ограниченности ресурсов, вела к усилению концентрации власти и собственности в руках «государя». Социально-экономической основой осуществления принципа «власти-собственности» стало неоспоримое право элиты на избыточный продукт, взимаемый в виде «ренды-налога».

В XVII столетии российская государственность преодолела последствия Смуты, сохранила политический контроль над территорией и продолжила расширение своего геополитического пространства (Украина, Сибирь). Этому способствовало как проведение традиционалистской политики с «опорой на собственные силы», так и «диффузия» культурных и цивилизационных институтов Востока и Запада. Импульс с Востока (Османская, Сефевидская, империя Моголов) способствовал превращению Московского государства в архаичную «пороховую империю», проводившую экспансионистскую внешнюю политику. Внутреннее устройство этой «империи» потребовало качественного совершенствования военно-мобилизационного потенциала и привело власть к необходимости рецепции военно-технологических и организационно-технологических преимуществ западных «централизованных» и «камералистских» государств (полки «нового строя», мануфактуры и т.п.). Итак, не столько особенностями, сколько «генетическими признаками» Российского государства стали «отождествление государя и государства, тотальное холопство», принципы «властечцентричности и сильной государственной власти, авторитарно-властного господства, служения государю, единства государственной власти и собственности, служебно-раздаточного хозяйства», а также «принцип кормить и править» [Лубский, 2014, с.9].

ИМПЕРСКАЯ МОДЕЛЬ

На рубеже XVII–XVIII вв. Россия совершила исторический поворот в направлении европейского пути развития, заимствуя у Голландии, Швеции, Франции, Германии, Англии, Италии политические, социальные и культурные институты в широком диапазоне от военной, экономической сфер, науки и образования до гастрономии и благотворительности. В совокупности эти институты составили то, что принято называть европейской цивилизацией [Каменский, 2018, с. 199]. Рецепция западных военно-технологических и организационных достижений начавшееся ещё в XVII в., ускоренное реформаторским прорывом Петра I, не означало превращения России в европейскую страну. Принудительная модернизация посредством тотальной милитаризации жизненного уклада позволила России укрепить геополитическое положение, проводить экспансионистскую политику, включив в XVIII-XIX вв. почти все западные и юго-

западные территории бывшей Киевской Руси, входившие в состав Польши, а также Крым, Кавказ, Среднюю Азию, Дальний Восток, и поддерживать внутреннюю стабильность политической и социально-экономической системы. Только в середине XIX в. под воздействием промышленной революции в Европе, следствием которой стало болезненное поражение в Крымской войне, в стране произошли «Великие реформы», Россия приступила к индустриальной модернизации и в конце XIX-начале XX вв. стала преодолевать экономическое отставание, и по уровню промышленного развития сокращать дистанцию от развитых стран.

В Российской империи изменилось отношение «Власти» к личностным ресурсам подданных и способам их мобилизации. Петровская «Табель о рангах» допустила в элиту представителей низших слоев населения, приобрел значение принцип личных заслуг, при условии обязательности службы государству. Теперь «рабы государевы», в отличие от «государевых холопов» Московской Руси, могли надеяться на признание и вознаграждение персональных заслуг и личную славу со стороны самодержца. При Екатерине II дворянство стало первым свободным сословием в России, а отношение к службе теперь зависело от персонального выбора каждого дворянина. Освобожденное дворянство активно приобщалось к европейской культуре и образованию, многие его представители стали крупными государственными и военными деятелями и полководцами, достигли успехов на ниве культуры и науки.

«Воздух свободы», проникший в Россию из Европы эпохи модерна, расширение объема гражданских прав и свобод в ходе «Великих реформ», некоторое ограничение бюрократического контроля стимулировали активизацию личностных устремлений в разных российских сословиях. Выходцы из различных слоев (учителя, врачи), купцы, предприниматели, крестьяне демонстрировали социальную энергию, претворявшуюся в работе земств, торговой и промышленной деятельности, получении образования и т.д. Наряду с крупными помещичьими хозяйствами, использовавшими современную агрикультуру, многие «стольпинские крестьяне», выйдя из-под опеки общины достигали хозяйственного успеха, что позволило стране в начале XX в. повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке продовольствия. Созданные в стране благоприятные условия для привлечения иностранного капитала, в значительной степени способствовали быстрому промышленному развитию российской экономики.

Вместе с тем, продолжали существовать и серьезные препятствия на пути расширения пространства личной свободы и социальной активности. Политическая система России консервировалась от модернизационных импульсов. Традиционные социокультурные ценности не позволяли большинству помещиков использовать землю как рыночный ресурс и стать эффективными предпринимателями, а большинство крестьян после отмены крепостного права придерживались представления о том, что «земля божья» и частная собственность на неё невозможна. Между ними «тлел» глубочайший ценностный конфликт, усугубляемый в «голодные годы». Из шестнадцати последних лет XIX в. шесть были голодными годами, унеся сотни тысяч жизней. Российская буржуазия отличалась от европейской, редко проявляла собственные инициативы, связанные с большими рисками, долго не имела политических прав, была не уверена в надежной защищенности своих капиталов, ориентировалась на государство и его поддержку. Предпринимательская этика индивидуального успеха не сумела глубоко

укорениться в России и отвергалась значительной частью населения. Поэтому промышленную модернизацию в России, основанную на импорте технологических достижений передовых европейских стран, проводило государство. Частный бизнес зависел от государственного протекционизма, государственных заказов, узкого внутреннего рынка, а российская буржуазия ориентировалась на новые экспансии со стороны государства и появление новых территорий, фактически подерживая сохранение экстенсивной модели развития страны. [Ахизер, Клямкин, Яковенко, 2008, с. 298-314].

Большинство либеральных историков интерпретируют историю России XIX в. в русле концептов «отсталости» и «догоняющей модернизации». Критерии и показатели сравнения общественного, политического и экономического развития России с идеальнo-типическим «Западом», переживавшим в это время «модернизационные» процессы, выглядят не в пользу России. Однако, если акцентировать внимание не на «дефицитах» российского варианта развития, её отсталости и необходимости догонять Запад, а на динамике исторических перемен в диахронической перспективе, то становится очевидным существование иных путей исторического развития и амбивалентность самой эпохи модерна. Тогда, ускоренное развитие Западной Европы может рассматриваться не как норма, а как исключение, в то время как Россия в соответствии с правилами мультикультурного подхода была не «ненормальной», она была лишь другой. [Каменский, 2018, с. 191, 193, 195].

Державно-имперская идентичность скрепляла расколотый российский социум до тех пор, пока страна побеждала в войнах. Поражение в Крымской войне, неудачи в русско-японской и Первой мировой войнах усилили социокультурный раскол, обозначили проблему поддержания ценностных оснований, на которые могла опираться российская государственность. Ограничения самодержавия законом, появление в политическом ландшафте Государственной думы, демонстрирующей свою оппозиционность, существование «несистемной оппозиции» в лице радикальных социалистических партий, расшатывали «Русскую власть», государственное единство, углубляли раскол социокультурного пространства.

Вместе с тем, объективной неизбежности и неотвратимости российской революции 1917 г. не существовало, а главным фактором падения монархии в России и обострения социальной конфликтности стала Первая мировая война, тогда как существовавший конфликт традиции и модерна не вел обязательно к революции, создавая для нее лишь потенциальную возможность, которая превратилась в реальность под воздействием двух основных факторов – трудностей военного времени и борьбы за власть между оппозицией и монархией [Мионов, 2013, с. 113]. Революция стала явлением, вышедшим из-под контроля многих её акторов и интересантов, она показала неготовность российского общества к развитию по демократическому сценарию в 1917 г. и открыла дорогу к диктатуре. Бенефициарами революции стали радикальные силы, сумевшие в своей деятельности использовать накопившиеся проблемы и особенности расколотого российского социума (в котором глубоко не укоренились буржуазно-демократические ценности, слабыми оказались средние слои и гражданские институты) и возглавить «восстание масс», провозгласив скорое наступление «светлого коммунистического будущего».

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ

Советская система сняла проблему многовекового раскола между догосударственной и государственной культурными полюсами при помощи самых радикальных методов. Элитный дворянско-буржуазный полюс уничтожился как источник частной собственности и «эксплуататорских классов», мешающий построить социализм. Крестьянский общинно-вечевой полюс должен был исчезнуть по логике классово-борьбы, в ходе форсированной коллективизации.

Декларируя стремление создать современное общество нового типа Советский Союз двигался в том же направлении, что и западная цивилизация, в значительной степени, заимствуя и имитируя ее базовые принципы. Важнейшими из них являлись урбанизация и развитие образования. В социальной практике советского модерна они означали укоренение ценностей городской культуры (индивидуальной свободы и благосостояния), но в идеологической плоскости они вступали в противоречие с коммунистической системой. Разрешить это противоречие советское государство пыталось целенаправленной социальной политикой, широкими социальными гарантиями (государственное строительство и содержание жилья, бесплатное образование и здравоохранение, пенсионное обеспечение). В постсталинскую эпоху созданная система социальных благ стала восприниматься скорее, как привычное проявление советской уравнительности и унификации, мешавшее реализации индивидуально-личностного начала, проигрывающее по сравнению с более высокими и разнообразными стандартами западного образа и качества жизни. Фактически, урбанизация и образование, являясь важнейшими достижениями советского социализма, стали и ключевыми причинами его исторического поражения.

Общепризнанными в мире результатами советского периода истории стали успехи в военно-технологической и космической сферах. Созданный и реализованный Советским Союзом мобилизационный потенциал, оказался достаточным для проведения форсированной индустриальной модернизации, победы во Второй мировой войне, превращения страны в одну из двух мировых сверхдержав второй половины XX в. Советская модель развития продемонстрировала возможность концентрации в руках государства всех материальных и человеческих ресурсов и обеспечения военного могущества, при достаточно низком уровне эффективности экономической сферы. Поступление в arsenалы ведущих мировых держав ядерного оружия означало, что традиционный тип больших войн государствами за статусы и территории становится менее актуальным. «Холодная война» стала новым видом геополитического и геоэкономического противоборства, сопровождаемая гонкой вооружений, выдерживать которую длительное время для неэффективной советской экономики становилось все трудней. Одновременно, сохранять статус сверхдержавы, поддерживать своих сателлитов, повышать уровень и качество жизни населения становилось все более непосильной «ношей» для недемократической политической системы. Распад Советского Союза, в значительной мере стал следствием его достижений. [Ахизер, Клямкин, Яковенко, 2008, с. 397-412].

Концепт «советский тоталитаризм» акцентирует внимание на сущности советской системы, целью которой являлось «построение социализма и коммунизма» в ортодоксальном варианте, провозглашенном коммунистической партией, монополюс управлявшей государством, экономикой, культурой и

частной жизнью при помощи иерархической «номенклатурной» системы и тотального контроля над обществом. В социальной практике именно стремление к установлению такого абсолютного контроля с помощью насилия и репрессий являлось важнейшим признаком тоталитарной системы.

Советская «модернизация» была подчинена политическим целям коммунизма в русле которой имитировались индустриальные модели, заимствованные у Запада, но отсутствовала имманентная способность создавать собственные экономические модели, обладающие высокой управленческой и экономической эффективностью, имеющие низкие транзакционные издержки и высокое качество производимой продукции. Это свойство советской системы привело к тому, что после её относительных успехов в 1930-1950-е гг., возобладала негативные тенденции, наступила стагнация и кризис режима. Периодически порождаемые иллюзии относительно способности коммунистической системы самореформироваться, привели к хрущевской десталинизации, которая серьезно дестабилизировала систему, а при Брежневке возобладали командно-административная партократия, руководящая страной без массового террора. Отличительной чертой советского патримониализма являлся доступ и распоряжение партийно-хозяйственной номенклатуры формально «общенародной» собственностью, и извлечения из нее административной ренты, конвертируемую впоследствии в капитал. Ответом на тотальное государственное регулирование стали неформальные институты, практики и стратегии адаптации к реалиям советского социализма (блат, коррупция, «черный рынок», теневая экономика) [Васильева, 2013]. Такие системные девиации снижали конкурентоспособность страны в мире, вновь стало нарастать отставание СССР от ведущих мировых держав, вступавших в постиндустриальную эпоху. Смыслом горбачевской перестройки, гласности и демократизации являлась попытка построения либерального, реформистского коммунизма, активизации социальной энергии и преодоления негативных тенденций во всех сферах советской жизни. Но, оказалось, глубокое реформирование системы способно привести только к её демонтажу, поскольку «генетический тоталитарный код», заданный октябрьским переворотом 1917 г. к этому времени уже выработал свой потенциал до конца, и гибель всего организма была неизбежна [Малия, 2002]. Сама историческая мизансцена распада СССР прошла относительно спокойно и мирно, страна избежала гражданской войны, большинство граждан тогда с надеждой смотрели в будущее и стремились поскорее перевернуть страницу советского периода истории.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Осмысление специфики развития постсоветской России актуализирует обращение к «следам прошлого», исторической «колее» по которой движется страна из глубин прошлого в настоящее и будущее.

Концепт «несовременная страна» акцентирует внимание на трех особенностях страны и общества. Во-первых, «государство» в России успешно вытеснило народ и человека на социальную периферию, ценность человеческой жизни практически не растет с течением времени, а правительство ответственно за большее число жертв среди собственного населения, чем любые внешние войны и катаклизмы (массовые репрессии во времена Ивана Грозного, Петра I, Ста-

лина; междоусобные войны русских князей, кровавое покорение Твери, Новгорода, Пскова, смуты, гражданские войны, голод). Этот тренд обусловил несовременное отношение к экономике, в которой труд начал цениться дешевле ресурсов, что характерно для российской экономики прошлого и настоящего. Во-вторых, следствием примата «государства» над личностью и обществом стало утверждение тезиса о том, что «цель оправдывает средства», и обоснованием пренебрежения к эффективности, понимание успеха, как достижение цели, а не решение проблемы. Такая хозяйственная идеология препятствовала развитию частного бизнеса, ориентированного на экономический результат и становившегося наиболее эффективным средством обеспечения экономического роста. В-третьих, эти особенности российского понимания «государства» и власти радикально сократили степень приверженности россиян рационализму. Воображаемый характер государства стал основанием для зависимости России от доктринальных концепций и утверждаемых ими иллюзорных целей. Россия стала естественным полигоном для проверки консервативных и ультрареволюционных идеологий, россияне научились больше ценить не само материальное историческое наследие, а некие абстрактные «уроки» истории, или подменяющие саму историю идеологические схемы.

Россия на протяжении столетий была страной, в которой власть воспринималась как нечто абсолютное. Демократическая система организации общества в такой ситуации не вытекает даже из очевидно укореняющегося индивидуализма, который воплощается отчасти в разрушении социальных связей, а отчасти в том, что личное во все большей степени становится средством ухода от общественного. Люди верят в себя, верят в «народ», в «страну», в «государство» — но не в общество; абстрактные символы заслоняют реалии современной жизни, и это открывает простор для консерватизма и архаики, которые вполне соотносятся с исконной национальной «идентичностью» [Иноземцев, 2018].

В постсоветской России государство по-прежнему оставалось патримониальным, в нём не состоялось полное замещение политических элит, представители бывшей советской номенклатуры смогли сохранить свои властные позиции и перенести прежние бюрократические практики управления в «новый» государственный аппарат. Сохранились целеполагание и стремление государственных служащих следовать не столько должностным инструкциям, сколько указаниям «сверху», злоупотребление должностными полномочиями, извлечение административной ренты из позиции, занимаемой во властной иерархии.

В современном варианте российского патримониализма сохраняется традиция доминирования государства над личностью, преклонение перед начальством, патернализм, атомизированность, социальная пассивность и политическая апатия большинства населения, сосуществование формальных, неформальных, полуправовых, противозаконных институтов и социальных практик. В 1990-х гг. неэффективность новой российской государственности, нарастание острых социальных и экономических проблем способствовали расширению ареала существования неформальных институтов и практик (бартер, «черный нал», вывод активов в офшоры, феномен «крышевания», деятельность организованных преступных группировок и рэкетиров). Укрепление государства и формальных институтов в 2000-е гг. в

тоже время институционализировало неформальные практики, стремление «договориться», по-прежнему, является частью российской повседневности и воспринимаются многими как социальная норма. [Васильева, 2013].

О существовании в современной России квазиэлементов «холопской и договорной» традиции/практики свидетельствует ситуация в сферах государственной и частной экономики, положение «бюджетных» и внебюджетных социальных слоев, соотношение которых с начала 2000-х гг. менялось в пользу первых. В настоящее время государство и госкомпании контролируют 50–70% российской экономики, а в социальной и политической сферах главными акторами остаются «бюджетники», служащие госкорпораций и госмонополий, тогда как доля населения, практикующая в экономической сфере договорные отношения, остается весьма незначительной. [Трубицин, 2019, с.105]

Современная Россия не может быть названа демократической страной, в ней воспроизведены исторически присущие ей традиции доминирования власти над обществом и предпочтении воображаемых целей реальным. Но, Россия остается европейской страной, поскольку все ее метания между авторитаризмом и демократией, частными интересами и общественными ценностями, происходят в рамках европейских социальных альтернатив, через выбор которых развитые европейские общества либо уже прошли, либо никогда не сталкивались [Иноземцев, 2018]. Особенности рецепции и трансформации европейских институтов в российских условиях, попытки, изолироваться от «Запада» не изменили общий исторический тренд последних трех столетий, в течение которых Россия стремилась создать отдельную европейскую модель, воспринимая ее как нечто целостное [Каменский, 2018, с.200]. Это фундаментальная особенность и вектор исторического развития нашей страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Либеральная концепция позволяет выявить эволюцию мировоззренческой ценностной системы представлений о статусе личности в ее взаимодействии с обществом и государством в российских исторических координатах. В данном контексте, актуализируется «оптимистическое» представление об исторической перспективности западно-европейской системы ценностей, необходимости продолжения рецепции её социокультурного и экономического потенциала и его адаптации к реалиям России. Использование концептов, существующих в современном историографическом пространстве («патримониальное государство», «тоталитаризм», «социокультурный раскол», «русская система», «раздаточная экономика», «холопская и договорная Россия», «догоняющее развитие, отсталость», «несовременная страна») предоставило возможность сфокусировать внимание на специфике российского социокультурного «генетического кода», определяющей роли эксклюзивных, а не инклюзивных, как на Западе, политических, экономических, социокультурных институтов, «следах» прошлого, особенностях движения в русле исторической «колен» и сложности в их преодолении.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность 74,09%.

Список литературы:

1. Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2008. 464 с.
2. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
3. Васильева А.О. Патримониализм как определяющий фактор развития российского капитализма // Неприкосновенный запас. 2013. № 4. С. 39-52.
4. Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. 393 с.
5. Иноземцев В.Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М.: Альпина-Паблишер, 2018. 406 с.
6. Каменский А.Б. К проблеме вековой русской отсталости // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 1. С. 185–206. .
7. Лубский Р.А. Российская государственность как предмет концептуального мышления // Философия права. 2014. № 6. С. 9–13.
8. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. 584 с.
9. Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 106–115.
10. Общественная мысль в России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., Издательство «Политическая энциклопедия», 2005. 639 с.
11. Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 394 с.
12. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004. 493 с.
13. Сидненко Т.И. Русская либеральная историография и европейская философская мысль в конце XIX – начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 72. С. 53-62.
14. Трубицин Д.В. Россия «договорная» и Россия «холопская»: опыт социологизации исторической концепции // Социологические исследования. № 6. 2019. С. 97-107.
15. Фурсов А.И., Пивоваров Ю.С. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Политические исследования. 2001. № 4. С.37-48.
16. Янов А.Л. Россия и Европа: в 3-х кн. Кн. 2. Загадка николаевской России. 1825–1855. М.: Новый хронограф, 2007. 504 с.

Reference list:

1. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. history of Russia: the end or a new beginning? Moscow: New publishing house, 2008. 464 p.
2. Bessonova O. Distribution economy of Russia: Evolution through transformation. Moscow: ROSSPEN, 2006. 144 p.
3. Vasileva A. Patrimonialismus as a determining factor in the development of Russian capitalism // Inviolable reserve. 2013. no. 4. P. 39-52.
4. Ermolaev I. Formation of the Russian autocracy. Origins and conditions of its formation: a Look at the problem. Kazan: publishing house of Kazan University, 2004. 393 p.
5. Inozemtsev V. Non-Modern country. Russia in the world of the XXI century. Moscow: Alpina-publisher, 2018. 406 p.
6. Kamensky A. On «Age-old Russian Backwardness» // Quaestio Rossica. Vol. 6. 2018. № 1. P. 185–206
7. Lubsy R. Russian statehood as a subject of conceptual thinking // Philosophy of law. 2014. No. 6. P. 9-13.
8. Malia M. the Soviet tragedy: a History of socialism in Russia. 1917-1991. Moscow: ROSSPEN, 2002. 584 p.
9. Mironov B. The Russian revolution of 1917 in the context of the theories of the revolution // Social Sciences and modernity. 2013. No. 3. P. 106-115.
10. Public thought in Russia of the XVIII-beginning of the XX century: encyclopedia. Moscow, «Political encyclopedia», 2005. 639 p.
11. Pipes R. Property and freedom, Moscow: Moscow school of political research, 2000, 394 p.
12. Pipes R. Russia under the old regime. M.: Zakharov, 2004. 493 p.
13. Sidnenko T. Russian liberal historiography and European philosophical thought in the late XIX – early XX century // Izvestia of the Russian state pedagogical University named after A. Herzen. 2008. No. 72. P. 53-62.
14. Trubitsin D. Russia «contractual» and Russia «kholopskaya»: experience of sociologization of the historical concept // Sociological research. no. 6. 2019. P. 97-107.
15. Fursov A., Pivovarov Y. «Russian system» as an attempt to understand Russian history // Political research. 2001. no. 4. P. 37-48.
16. Yanov A. Russia and Europe: in 3 books. Book 2. the Riddle of Nikolayev Russia. 1825-1855. Moscow: New chronograph, 2007. 504 p.

Статья поступила в редакцию 02.06.2020, принята к публикации 25.06.2020

The article was received on 02.06.2020, accepted for publication 25.06.2020

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Камынин Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор; Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Заслуженный работник высшей школы РФ (специальность 07.00.09)

РЕЦЕНЗИЯ

**на статью доктора исторических наук, профессора Андрея Владимировича Трофимова
«Либеральная концепция российской истории»**

Статья доктора исторических наук, профессора А.В. Трофимова представляет собой самую общую интерпретацию истории России с позиций либерального подхода. Этот опыт интересен с точки зрения развиваемых в журнале многоконцептуального и мировоззренческого подходов к истории. Автор построил картину российского прошлого такой, какой она видится, если к ней применить ряд частно-исторических либеральных теорий (концептов): «вотчинное, патримониальное государство», «тоталитаризм», «социокультурный раскол» и др.

Несмотря на то, что автор старался уйти от этических оценок, однако Россия предстала, в основном, неразвитой страной, постоянно догоняющей передовой и прогрессивный Запад. Закономерно, что положительными с либеральных позиций выглядят только период «Великих реформ» XIX века и перестроечные годы. Такой образ закономерно вытекает из либерального подхода, который ставит во главу угла «блага свободной личности», демократию, правовое государство и рынок.

С позиций этих ценностей российская история действительно выглядит неприглядно, потому что для наших предков они не являлись ценностью, они не стремились к ним и действовали в истории, исходя из иных идей – справедливости, православия, коллективизма, любви к Родине и государству и др. Это прекрасные идеи, но среди них либеральных.

История России – это огромное количество событий, явлений, процессов. Для того, чтобы из хаоса фактов создать убедительную картину прошлого, нужно отобрать лишь некоторые из них и соответствующим образом интерпретировать. Эту роль выполняют исторические концепции: либеральная, коммунистическая, националистическая и др. В зависимости от того, с какой из этих концепций автор подходит к историческому материалу, получается различный

образ прошлого. История как гора, вид которой с разных сторон отличается иногда до полной неузнаваемости. Историк всегда вынужден смотреть на прошедшее под определенным углом зрения, задаваемым той теорией, с позиций которой он изучает и реконструирует прошлое. Поэтому с разных концептуальных позиций история выйдет различной. Рецензируемая статья вполне подтверждает это положение.

А.В. Трофимовым российская история была рассмотрена с точки зрения отдельных концептов, главным образом, отечественных историков. Эти концепции объясняют историю России, в основном, в ее социально-политическом развитии и мало касаются культурного развития, за исключением, социокультурной концепции А.С. Ахиезера. Наиболее разработанной либеральной исторической теорией является теория модернизации. Написанная с ее позиций, история России была бы более цельной, последовательной и убедительной, нежели образ отечественного прошлого, представленный калейдоскопом образов, базирующихся на разных концептуальных основаниях.

Исходя из многоконцептуального и мировоззренческого подходов к истории, либеральная история России имеет право существование, но она никогда не будет положительной, поскольку в нашей истории свобода лишь в отдельные периоды была значимой ценностью российского народа, что подтверждает и рецензируемый текст.

В целом, статья по новизне, содержанию и оформлению соответствует требованиям к научным публикациям. Рекомендую статью к публикации в журнале «История и современное мировоззрение».

Доктор исторических наук, доцент,
член редколлегии журнала
Герасимов Григорий Иванович

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, AuthorID: 148819; Scopus Author ID: 57205103265, e-mail: 2519612@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Trofimov, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of Department history and philosophy Ural State University of Economics Scientific consultant, Ekaterinburg, Russian Federation, AuthorID: 148819; Scopus Author ID: 57205103265, e-mail: 2519612@rambler.ru